

Константин Бондарь

Уроки Фризмана

Леонид Фризман. Фото Г. Ганзбурга. 2018 г.

27 июня 2018 г. в Харькове на 83-м году жизни скоропостижно скончался известный литературовед, историк общественной мысли, выдающийся исследователь русской литературы XIX-XX вв., текстолог, биограф, публицист, педагог ЛЕОНИД ГЕНРИХОВИЧ ФРИЗМАН. Вся его жизнь и деятельность прошла в родном городе, хотя его имя знакомо коллегам далеко за пределами Украины и стран бывшего Союза. Более полувека он продуктивно работал в науке, создал собственную школу и выпустил несколько десятков кандидатов и докторов наук. Будучи одним из самых поздних учеников Леонида Генриховича, я имел возможность тесно общаться и сотрудничать с Учителем последние десять лет, и в этой небольшой заметке мне бы хотелось отметить некоторые, наиболее важные на мой взгляд, уроки его деятельной жизни.

Первым и главным уроком является сама его незаурядная биография. К счастью, Леонид Генрихович прожил большую жизнь, и теперь, оглядываясь назад, можно утверждать, что она прошла на одной ноте, в едином стремлении – как можно полнее реализовать призвание, раскрыть и применить данный ему от Бога дар. Семейные традиции и воспитание рано сформировали в нем широкий кругозор, вкус к поиску, любовь к знаниям, критичность мышления. Не надо забывать, на какое время пришлась юность Фризмана, окончившего школу и поступившего в пединститут в 1953 г. В этих беспрецедентных условиях выживания – корни его последующей настойчивости в достижении цели, навыков бойца, гибкости и необычайной трезвости ума. Решив еще на студенческой скамье заниматься наукой, Леонид твердо понимал, что в аспирантуру его не примут. Единственной возможностью работы по специальности была вечерняя школа. Из юноши получился толковый учитель. Он полюбил эту профессию, и она отвечала ему взаимностью; ученики по достоинству ценили своего наставника. Работу в школе он совмещал с научными поисками и «без отрыва от производства» подготовил, а затем с немалыми трудностями защитил кандидатскую диссертацию. Лишь через несколько лет после этого он смог добиться работы по совместительству на кафедре иностранных языков в вузе, а только после представления докторской диссертации – места на кафедре русской литературы. Тогда ему исполнилось 40, и все основные его профессиональные достижения связаны со второй половиной жизни. Так было и у Д. С. Лихачева, с которым Л. Г. Фризман был близко знаком и много общался в 60-70-е гг. и который оказал ему поддержку в защите кандидатской диссертации.

Блистательная защита в МГУ в 1977 г. докторской диссертации «Русская элегия в эпоху романтизма» открыла самый плодотворный этап деятельности ученого. В 1980 г. он стал профессором, и на кафедре была создана аспирантура. Одну за другой он выпускал монографии, готовил к изданию литературные памятники и поэтические сборники, руководил аспирантами и выступал оппонентом на защитах во всех уголках страны. Статьи Фризмана печатались в ведущих научных журналах, он был знаком и поддерживал сотрудничество с крупнейшими историками литературы – М. П. Алексеевым, Д. Д. Благим, В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаровым, А. Л. Гришуниним, Б. Ф. Егоровым, Б. С. Мейлахом, С. А. Рейсером, Г. М. Фридендером, Е. Г. Эткиндром и другими. Это был пик жизненного и творческого пути харьковского литературоведа.

События начала 90-х заставили уже немолодого ученого научиться работать в резко изменившихся условиях, но не привели ни к отказу от профессии, ни к снижению уровня разработки проблем. Однако они сказались на перспективах публикаций и географии научной деятельности. Постепенно возможность публиковать свои труды

стала исключительно платной. Это потребовало от профессора освоения навыков маркетинга и менеджмента, и надо отдать ему должное – он освоил их не хуже своих более молодых коллег. В 2000-е и 2010-е годы Леонид Генрихович работал с завидной отдачей и результативностью.

Будучи для Харькова уникальной и даже резонансной фигурой, Фризман не мог не нажить врагов и недоброжелателей. Пожалуй, их у него было с избытком. Привыкнув бороться с обстоятельствами и не избалованный подарками судьбы, он воспринимал их как неизбежное зло и продолжал работать. Не могли сломить его ни личные невзгоды, ни семейные трагедии. Впрочем, друзей и поклонников таланта Леонида Генриховича тоже было немало, свидетельством чему служат сборники статей к двум его юбилеям¹. С молодости привык он в работе черпать силы и вдохновение, и закончив очередную книгу, тут же садился за другую. «Я не умею сидеть без дела», – часто слышал я от профессора в эти годы. Прощальным, незавершенным трудом стала книга о Науме Коржавине, над которой он увлеченно работал и в свой последний день. Теперь подготовленные главы войдут в личный архивный фонд Л. Г. Фризмана, который уже создан в Харьковской государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко и теперь будет пополнен книгами из его библиотеки, личными документами, письмами и прочими творческими материалами. Этот фонд – основа будущей научной биографии нашего выдающегося современника.

Еще одним уроком Фризмана можно считать его подходы и решения как текстолога, публикатора и комментатора.

Начав свою деятельность с изучения почти забытого в то время Баратынского, Леонид Фризман подготовил и издал книгу «Творческий путь Баратынского» еще до защиты кандидатской², а после получения степени продолжил работать над текстологией поэта. Параллельно в Норвегии русским поэтом заинтересовался крупный славист Гейр Хьетсо. Его диссертация, также посвященная Е. А. Баратынскому, была защищена в 1969 г., а в 1973 г. вышла в свет монография³. Переписка и сотрудничество двух выдающихся исследователей Баратынского продолжались много лет и стали значимым фактором развития науки о литературе. Итогом двадцатилетних поисков Л. Г. Фризмана стали два непревзойденных издания – в сериях «Литературные памятники»⁴ и «Библиотека поэта»⁵. Эти издания во многом полемичны по отношению

¹ Наука и жизнь. Харьков, 2010; Сквозь литературу. Киев, 2015.

² Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского. Москва, 1966.

³ Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло-Берген-Тромсё, 1973.

⁴ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. (Литературные памятники). Москва: Наука, 1982.

⁵ Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений (Библиотека поэта, большая серия). СПб., 2000.

к предшествующему – сборнику Баратынского в «Библиотеке поэта» 1957 г. Текстологическое кредо Фризмана ясно сформулировано им в статье «Проблемы текстологии Баратынского», сопровождающей издание 1982 г.: «Никакие соображения, не опирающиеся на историю текста – субъективные, вкусовые и проч., – не могут служить основанием для отвержения одной редакции и предпочтения другой»⁶. И другая важная мысль: во всех элементах текста – заглавии, чтениях отдельных стихов и т. д. – следует непротиворечиво придерживаться последней авторской воли. Работая над изучением и подготовкой к изданию стихотворений Баратынского, Л. Г. Фризман столкнулся с нерешенными проблемами истории «Дум» Рылеева и журнала Киреевского «Европеец». И в том, и в другом случае есть связь с творчеством поэта: Рылеев и Бестужев входили в его ближний круг общения и на каком-то этапе были близки ему эстетически, а в журнале Киреевского Баратынский печатался. В результате появились два издания в «Литературных памятниках» – «К. Ф. Рылеев. Думы»⁷ и «Европеец. Журнал И. В. Киреевского»⁸. Последнее он считал важнейшей своей научной заслугой. О судьбе альманаха «Северные цветы» тоже следует вспомнить. Было давно понятно, что альманах заслуживает современного научного издания. Но как его осуществить? Ведь вышло 8 выпусков, и каждый из них был вехой в истории русской литературы. Несколько лет филологи обсуждали принципы отбора, и когда было решено, что в качестве памятника нужно издать том на 1832 г., тот самый, который в память о Дельвиге взялся издать Пушкин, оказавшись таким образом в первый и последний раз в роли издателя альманаха, Фризман решил эту задачу блестяще⁹. Еще дважды довелось Леониду Генриховичу выпустить книги в знаменитой серии, годы спустя. Это были «В стихах и прозе» Бориса Чичибабина¹⁰ и «Марфа, посадница Новгородская» Михаила Погодина¹¹. В последнем издании автору этих строк посчастливилось поучаствовать вместе с учителем, и этот опыт можно отнести к числу важнейших профессиональных впечатлений. Именно Фризмани принадлежала идея издать в качестве дополнений полностью и в отрывках все произведения, посвященные теме Марфы-посадницы за полтора столетия ее бытования, и это стало открытием в нашей книге. Как любил повторять он вслед за Д. С. Лихачевым, «в каждой нашей книге должно быть пусть маленькое, но открытие».

⁶ Фризман Л. Г. Проблемы текстологии Баратынского // Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. (Литературные памятники). Москва: Наука, 1982. С. 562.

⁷ Рылеев К. Ф. Думы Москва: Наука, 1975. (Литературные памятники).

⁸ Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832. Москва: Наука, 1989. (Литературные памятники).

⁹ Северные цветы на 1832 г. Москва: Наука, 1980. (Литературные памятники).

¹⁰ Б. Чичибабин. В стихах и прозе. Москва: Наука, 2013. (Литературные памятники).

¹¹ М. П. Погодин. Марфа, посадница Новгородская. Москва: Наука, 2015. (Литературные памятники).

Всякий раз, когда Фризман брался за подготовку и выпуск книги, он помнил об этих словах. И такие открытия сопровождали его последние работы: «Многообразие и своеобразие Юлия Кима»¹², «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе»¹³, «Иван Франко: взгляд на литературу»¹⁴. Как говорили древние, «подобает филологу умирать, работая...». И этот урок он преподал нам, уходя...

Мне, увы, не довелось пройти школу Фризмана от начала до конца; я попал к нему на завершающем этапе подготовки диссертации. Но я считаю нашу встречу счастливым событием и большой удачей. Насколько же больше смогли почерпнуть у наставника те, кто учились у него начиная со студенческих лет до защиты – кандидатской или докторской! И в педуниверситете он оставался любимым учителем для своих многочисленных – всего более 60 – учеников.

Леонид Фризман был патриотом своей страны. К тому же он был убежденным демократом и сторонником свободы. Всему этому он не учился специально, а вынес из родительского дома, получив памятную прививку от социальных иллюзий и заблуждений в глухие годы молчания и «железного занавеса». И поучительно, что именно поэтому, любя отчизну «требовательной любовью» (так называется одна из его книг, посвященная А. Т. Твардовскому), Фризман был непримирим к злоупотреблениям чиновников и бюрократов, к бездарности и глупости тех, от кого зависит принятие решений; выступал в прессе с критикой социальных язв, подавал свой голос в защиту тех, кто в ней нуждался, обращал внимание на ошибки в языковой и культурной политике, в управлении образованием, в стратегии развития науки. Все эти беды тревожили и огорчали его. Начиная с 90-х его многогранная личность дополнилась еще одной гранью – политического публициста, и с тех пор харьковские читатели, даже далекие от литературоведения, знали имя Леонида Фризмана по газетным статьям. Их набралось так много, что в 2000 г. они вышли отдельным сборником под названием «Эти семь лет»¹⁵. В последние годы его основной трибуной были харьковские газеты «Время» и «2000», на страницах которых он с особенной настойчивостью напоминал о необходимости сохранения русско-украинских культурных связей, отстаивал права русского языка в современной Украине.

¹² Фризман Л. Г., Грачева И. В. Многообразие и своеобразие Юлия Кима. Киев, 2014.

¹³ Фризман Л. Г. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков, 2015.

¹⁴ Фризман Л. Г. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев, 2017.

¹⁵ Фризман Л. Г. Эти семь лет. Публицистические этюды. Харьков, 2000.

Профессору Фризмону хватало прозорливости не смешивать текущую политику и вечные ценности культуры. Думается, не будет преувеличением считать его не только выдающимся ученым, но и незаурядным гражданином.

Патриотизм начинается с любви к «малой родине». И здесь Фризман был верен себе. Харьков всегда был для него самым любимым местом на свете. В предисловии к одной из своих книг – «Остроумный Основьяненко» – он посвятил родному городу такие строки: «...как и Квитка, я в Харькове родился и прожил всю жизнь. Всегда любил поездки, исколесил немало городов и стран, но никогда и никуда не помышлял переселиться. Самые задушевные ощущения, на какие я способен, я испытывал, когда возвращался домой... Я не умею описать перемены, произошедшие в нашем городе, так искусно и вдохновенно, как описал Квитка перемены, произошедшие на его глазах, но пережитое мной самим помогает мне лучше понять его чувства, тот неподдельный восторг, который вызывал в его душе любимый город»¹⁶.

...Первое, что бросается в глаза при знакомстве с жизнью и творчеством Леонида Генриховича, – это удивительная сила и цельность его личности. Он обладал титанической работоспособностью, и в прямом смысле слова ни дня не проводил вне письменного стола, в последние годы – без компьютера, который он освоил вполне и который стал его творческой лабораторией. В последние 5-7 лет нормой для профессора Фризмана стало ежегодно выпускать книгу в несколько сотен страниц. Уход на пенсию добавил ему энергии и вдохновения, и он с удовольствием называл себя «свободным художником». Даже на отдыхе, куда он традиционно отправлялся каждый август до позапрошлого года, Леонид Генрихович работал за переносным компьютером. Среди его любимых выражений – «Я человек будней, праздников у меня нет». Конечно, праздником был каждый добытый факт, каждое открытие. Верно определив свое призвание и место в жизни, он смог прожить именно свою, только ему предназначенную жизнь, не по чужому лекалу, а заново выстроенную путем проб и ошибок. Отчетливо их осознавая, он был строг к себе. Теперь, когда этот яркий путь окончен, нам предстоит стать свидетелями его инобытия, которое будет, конечно, продолжением того, что он успел сделать при жизни, ибо, как мы знаем благодаря Проперцию, «не все кончается со смертью».

¹⁶ Фризман Л. Г. Остроумный Основьяненко (цит. по рукописи).